

ЗАПАДНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ (ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ)

Становление основ внешней политики Древней Руси как страны, находящейся на геополитическом перекрестке Евразии, происходило параллельно утверждению русской государственности и было подчинено задаче ее укрепления. Западная ориентация сделала бы Киевскую Русь объектом не только религиозной, но и политической экспансии Рима¹. Предпочтение кириллицы перед латиницей, крещение по византийскому обряду и раскол христианских церквей в 1054 г. закрепили положение Руси в качестве религиозно-политической окраины еврохристианского мира.

Со времени формирования и утверждения российской государственности последняя впитывала в себя, кроме византийских, еще и восточные ценности, представления и традиции, влияние которых на историческое развитие России исследовано недостаточно. Можно утверждать, что первые 500–600 лет своего существования Россия подвергалась неуклонной ориентализации на доордынском, ордынском и послеордынском этапах своего взаимодействия с Востоком. Это взаимодействие в виде заимствования формы и содержания многих, в том числе существенных элементов восточной цивилизации (в основном ее периферии), привело к утверждению восточной компоненты во всех сферах жизни России, включая и ментальный уровень. Византийские и восточные заимствования не могли не увести Россию со столбовой дороги общеевропейского развития. Не только по объективным причинам, но и достаточно осознанно Россия в лице Александра Невского совершила исторический выбор: «подвиг меча» по отношению к Западу и «подвиг смирения» по отношению к Востоку.

В XV–XVII вв. в России, веками зажатой между непредска-

---

¹ См.: Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и вымыслов. Л., 1986. С. 70

зуемым Востоком и враждебным Западом, на базе череды внешне триумфальных достижений (свержение ига, покорение Казани и Астрахани, присоединение Сибири, восприятие «византийского наследства», воссоединение с Украиной) усиливается тенденция к самоидентификации Святой Руси как самостоятельной цивилизации. К моменту «тяжелой и двусмысленной» встречи России с обуржуазивавшимся Западом, угрожавшим ей потерей независимости и самобытности, в России уже преобладали «синтезные формы» государственности, которые содержали восточную традицию и «в опосредованном виде должны трактоваться как национально-российские»².

Если отталкиваться от остроумных определений Л. Пая и С. Хантингтона, что Китай — «цивилизация, претендующая быть государством», а Япония — «цивилизация, являющаяся государством»³, то Россия — государство, претендовавшее сначала на статус православной, а затем и синкретической, стыковой цивилизации. Поскольку ряд показателей России явно не соответствует критериям цивилизации (материально-культурный потенциал, чрезмерная доля внешних заимствований, поликонфессиональность, антиномичность, конфликтность и противоречивость, отсутствие определенной самобытной формы, позднее возникновение науки и философии), трактовка этого вопроса разными исследователями широка и многообразна (от «цивилизации поневоле вопреки ее принципиальной нецивилизуемости» до утверждений, что в России «империя заменила цивилизацию», и пожизненных колебаний А. Тойнби в вопросе о цивилизационном статусе России в мировой истории)⁴. Независимо от исхода дебатов по этому вопросу Третий Рим подчеркивал свою обособленность как от Запада, так и от Востока. На практике это означало, как свидетельствует

---

² *Трепавлев В. В.* Россия и кочевые степи: проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 60.

³ *Хантингтон С. П.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Pro et Contra. 1997. № 2. С. 119.

⁴ См., напр.: *Яковенко И. Г.* Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. 1995. № 4, 6; *Ерасов Б. С.* Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3: Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. С. 11, 97; *Toynbee A. J.* Russia's Byzantine Heritage. L., 1947.

опыт последующего развития России, что она сама загнала себя в ситуацию цивилизационного (и геополитического) одиночества не в самое лучшее для нее с точки зрения исторической перспективы и главной тенденции мирового развития время. В Западной Европе в это время происходило крушение прежних традиционных ценностей и структур, обеспечившее ее будущий взлет во всемирном масштабе, и «стремление к подчинению и использованию других народов» все больше проявлялось в качестве «характерного свойства»⁵ западно-буржуазной цивилизации. А вышеуказанные внешнеполитические достижения России, наоборот, способствовали консервации старофеодальной производственной основы и традиционных, в том числе восточных, ценностей и структур российского общества.

Россию, многие столетия подвергавшуюся воздействию ориентализации, сближало с Востоком не только геополитическое соседство, но и восточная политическая культура, примат государства над обществом, господство традиционных ценностей. С XVI–XVII вв. к этому перечню объединяющих факторов добавляется совместная проблема противодействия экспансии обуржуазивавшегося Запада, в том числе посредством усвоения западных идей, институтов, техники и технологий. Однако, хотя проблема была общей, Россия, в отличие от Востока, сумела ее решить без потери национально-государственной самостоятельности, не опустившись даже до статуса полукolonии Запада.

Российский опыт сопротивления западной экспансии посредством модернизации сверху представляет особую ценность для всего незападного мира: Россия первой ступила на путь состязания с Западом, дольше всех это состязание выдерживала, использовала множество форм и методов модернизации, первая преодолела барьер слаборазвитости, первая попыталась бросить вызов не только научно-технической мощи, но и западному «культурному империализму»⁶. Удивительную способность России расти и развиваться благодаря усвоению чужих

---

⁵ Чернов В. П. Россия: этногеополитические основы государственности. М., 1999. С. 37.

⁶ Ильин В. В. Политическое самоопределение России // Pro et Contra. 1999. № 3. С. 68.

ценностей и опыта отмечал А. Тойнби: «Трижды за 1100 лет Россия усваивала чужие цивилизации: Скандинавскую, Византийскую, дважды Западную.

...В культурном плане Россия всегда была сателлитом, хотя и необычного сорта, имевшим больше своего, чем чужого. И в каждом случае цивилизация, привлекавшая Россию на орбиту своей привлекательности, находила, что русский сателлит угрожает поменяться с ней местами, узурпировав место Солнца...»⁷

Со времен петровских преобразований российское общество расколото по основному социокультурному вопросу — отношению к Западу и прозападным преобразованиям. Запад для России всегда был вечным условием ее существования, научно-техническим критерием и образцом, стимулом для самокритики, источником вдохновения для реформаторов, воплощением зла и разложения для традиционалистов — не случайно образцом для преобразований были избраны не зараженные «латинской ересью» страны, стремившиеся к католизации России, а более привлекательные по уровню научно-технического развития и идеологически менее опасные протестантские страны. Западническое течение в русской общественной жизни было реакцией на отсталость России и проявлением стремления к форсированию модернизации, однако, как отмечал В. О. Ключевский, «ускоренное движение вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро»⁸, к спешному внедрению и дурному исполнению «великодушных задумок». Современные авторы также отмечают «асимметрию теории и практики... идей и их технологического воплощения» при вершущейся вестернизации России. Почвенно-традиционалистское течение, напротив, было реакцией на подобный прогресс и всячески сдерживало темпы модернизации страны.

С точки зрения социально-политической главной задачей государства, обеспечивающего догоняющее Запад развитие, является «поиск меры»⁹ между традиционно-русской инер-

---

⁷ *Toynbee A. J. A Study of History. N. Y.; L., 1963. Vol. 22. P. 539.*

⁸ *Ключевский В. О. Письма. Дневники. М., 1968. С. 314, 316. См. также: Панагин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI в. М., 1998. С. 268.*

⁹ *Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему. С. 763.*

цией и западным опытом и выполнение функции медиатора между двумя основными противостоящими тенденциями и их носителями. Такое государство оказывается в сложной ситуации: ориентация на традиционалистов обеспечивает на определенное время социальную стабильность, но замедляет темпы преобразований, ослабляя Россию перед Западом; ориентация на западников обеспечивает технико-экономический прогресс и безопасность перед Западом, но вызывает традиционалистскую реакцию большей части общества и подрыв социальной стабильности.

Застойное с точки зрения новаций царствование Николая I способствовало иссяканию импульса петровских преобразований, о чем свидетельствовало поражение в Крымской войне. Российское общество оказалось в состоянии тяжелого кризиса, который характеризовался переплетением слепой веры в Запад и слепого отторжения всего западного, переоценкой ценностей, пересмотром приоритетов и перестройкой стратегии по всем направлениям. В результате был сделан очередной шаг во всегда важном для России вопросе ее самоидентификации. Если допетровская Русь всячески настаивала на своей «самобытности», послепетровская увлеченно заимствовала (онемечивалась и офранцуживалась), то в середине XIX в. приходит осознание «особости» России и ее связи с Востоком. Прежний антагонизм к исламу сменился интересом к нему, популярной стала идея просветительской миссии России на Востоке с признанием права на существование и развитие в империи «всякого сущего в ней языка». Российская интеллигенция ценила в Востоке его небуржуазность, духовную и социальную устойчивость и рассматривала Восток как союзника против западного влияния: дескать, татаро-монгольское иго сбросили сами, теперь с помощью Востока сбросим европейское духовное иго¹⁰.

Жесткая позиция Запада на евробалканском направлении выталкивала Россию в Азию: чем хуже шли дела в Европе, тем больше внимания Петербург уделял Востоку. За счет экспансии в Азии Россия компенсировала свою слабость в Европе. Азия стала важным фактором становления России как вели-

---

¹⁰ См.: *Ерасов Б. С.* Образ Востока в русской культуре // *Цивилизации и культуры*. М., 1996. Вып. 3. С. 336–337, 345, 349.

кой державы (как отмечал Ф. М. Достоевский, «в Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы»)¹¹. Военно-политические интересы России в Азии подкреплялись ее экономическими возможностями. Если на западных рынках российские товары были в основном неконкурентоспособными, то российская и среднеазиатская экономики оказались взаимодополняемыми (туда шли 60% российского экспорта металлоизделий, по инициативе России там началось создание хлопковых плантаций).

Российская экспансия в Средней Азии и на Дальнем Востоке оказала минимальное воздействие на общественно-политическую жизнь страны, так как основные импульсы экономического, культурного, идеологического, научно-технического развития шли из Европы, — именно они угрожали России и царскому режиму. Поэтому Петербург придавал значение отношениям с Востоком лишь настолько, насколько это могло повлиять на его позиции в Европе. Азиаты же не считали страну «Белого Царя» азиатской. В результате «по политике Россия была азиатской страной среди европейских, а по стратегии — европейской страной среди азиатских»¹². Стать лидером азиатских стран России не удалось: с началом эпохи империализма она сама участвовала в приобретении территорий и сфер влияния на Востоке наравне с западными державами, с единственным от них отличием — кроме достижения эгоистических экономических целей, она обеспечивала при этом защиту от западной угрозы интересов собственной безопасности в пограничных с ней странах Востока. Исход противоборства России с Западом на новом, восточном участке их глобального соперничества предопределялся в конечном счете их экономическими возможностями.

Рыночные преобразования на рубеже XIX–XX вв. привели к закабалению страны иностранным капиталом и превращению России в экономическую полуколонию Запада. Удельный вес России в мировой экономике за указанный период вырос с 3,4 до 5,3 %, что было совершенно недостаточно в

---

¹¹ См.: Жигалина О. И. Движущие силы российской политики в Средней Азии в XIX веке // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3. С. 253, 259.

¹² Хон Ван Сук. Влияние исторических традиций на политику России в Азии // Восток. 1998. № 5. С. 88, 93–94.

сравнении с показателями ведущих западных держав (Франция — 6,4 %, Англия — 14 %, Германия — 15,7 %, США — 35,8 %) ¹³. По этой причине Россия проигрывала Западу и на военно-дипломатических фронтах (по Балканам — на Берлинском конгрессе; в Азии — поражение от Японии, за спиной которой стояла объединенная финансово-экономическая мощь Англии и США).

Неспособность российского капитализма рубежа XIX–XX вв. обеспечить догоняющее Запад развитие сделала закономерной попытку решения проблемы отсталости и отставания другими методами, на путях социалистической модернизации, — и скрытая роль Запада в подобном развитии событий несомненна. Без многовековой западной угрозы не было бы догоняющего развития; без пороков догоняющего развития не было бы социалистического эксперимента в России.

Экономические результаты социалистической модернизации оказались гораздо более внушительными в сравнении с предыдущим дореволюционным этапом, поскольку все ресурсы страны были подчинены цели «догнать и перегнать» — именно эту мобилизующую функцию выполнял тоталитарный режим. Сталинский тоталитаризм, рассматриваемый через призму мобилизационного развития, как отметил Р. Гароди, был ценой не столько социализма, сколько «платой общества за индустриализацию» ¹⁴ и превращение СССР в великую экономическую державу.

СССР не был одинок в своем противостоянии Западу. По мере развешивания надежд на мировую революцию (подрыв империализма изнутри) все большее значение приобретало сотрудничество Москвы с национально-освободительным движением народов Востока на антиколониальной и антикапиталистической основе. Колониальный и полуколониальный мир приобрел стратегического союзника в лице Москвы. Коммунистическая идеология, возникшая в развитой капиталистической Европе, парадоксальным образом нашла себе почву на отсталом Востоке.

Объединение усилий СССР и Востока позволило им суще-

---

¹³ См.: Россия 1913 год: Стат.-документальный справ. СПб., 1995. С. 51.

¹⁴ См.: Гароди Р. Советский опыт // Родина. 1990. № 11. С. 16.

ственно нейтрализовать западную мощь на международной арене, а развивающиеся страны имели до распада СССР возможность маневра в международных отношениях. Поскольку советская экономическая помощь предоставлялась им на льготных условиях, Запад также был вынужден смягчить свои условия содействия их развитию.

Советская экономика, добившаяся выдающихся успехов в условиях тоталитарного режима, стала терять результативность в постсталинскую эпоху ограниченной политической либерализации. Тотальное противостояние Западу по всем азимутам и оказание помощи союзникам на Востоке становились для СССР все более непосильными. Социализм, выполнив свою историческую миссию ликвидации слаборазвитости и отставания страны, исчерпал свои созидательные возможности и перестал соответствовать задачам догоняющего развития. Перед СССР — Россией встал вопрос о путях перехода к рыночной экономике, на который страна не смогла дать оптимального ответа.

Столетия западной гегемонии в мире создали стереотипное европоцентристское представление, что подлинно рыночная экономика — экономика западная. Наша политическая элита и прозападная часть интеллигенции ассоциировали рыночную экономику с ее западной моделью, обрамленной шлейфом гражданских прав и политических свобод. На фоне этих стереотипов феномен «восточного капитализма», основанный на учете национально-цивилизационной специфики и «творческом соединении этатизма с рыночной экономикой»¹⁵, как альтернатива западной модели в незападных обществах был Москвой проигнорирован.

В 90-е гг. демократическая Россия отреклась от Востока как от клейма на ее европейской репутации. Это имело пагубные последствия для обеих сторон, так как только вместе РФ и Восток могли бы противостоять установлению гегемонии Запада в однополярном мире. Запад воспользовался этим для навязывания остальному миру своих стандартов развития и поведения без учета национально-цивилизационной специфики — это привело к тяжелым последствиям не только развивающиеся

---

¹⁵ Василенко И. А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. М., 1999. С. 103.

страны (традиционалистская реакция типа исламской революции на насильственную вестернизацию), но и сам Запад, который пожинает плоды собственной политики в форме исламского терроризма.

Россия также не избежала участи страны, которой еще надо доказать свое право считаться соответствующей демократическим стандартам и общечеловеческим ценностям. Открещиваясь от нее как страны не совсем еще европейской, Запад требует выполнения своих рецептов, советов, рекомендаций. Он не делал бы этого так грубо и навязчиво, если бы Россия не демонстрировала на всех международных перекрестках свою добровольную «болезнь европейничанья» вопреки совету автора этого диагноза Н. Я. Данилевского: «Ни истинная гордость, ни истинная скромность не позволяют нам называть себя европейцами»¹⁶. Если бывшие колонии и полуколонии смогли найти собственный путь модернизации на путях «восточного капитализма», то почему Россия не может развиваться без равнения на Запад, ориентироваться на результаты его развития, но идти к ним своим путем, с учетом готового опыта других, в том числе незападных стран догоняющего развития, в опоре на свою специфику, а не в борьбе с нею?

Дух каждой исторической эпохи обычно определяется и выражается определенной, ведущей цивилизацией — она же оставляет свой специфический отпечаток на указанной эпохе, как бы это не нравилось ее современникам из других цивилизаций. Основные импульсы развития мира в Новое и Новейшее время исходят с Запада. Однако у России нет оснований испытывать комплекс неполноценности перед преуспевшим на прагматической ниве Западом: она смогла не только выжить в гораздо более суровых природных и геополитических условиях (география — тоже история), но и внесла свой вклад в мировую историю и культуру, а недостаток утилитаризма скорее временный недостаток, чем порок.

Россия может стремиться в западное сообщество наций, но прозападные энтузиасты должны иметь в виду, что фундаментальные расхождения между нами все равно останутся, вплоть до взаимного неадекватного восприятия двух самых родствен-

---

¹⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 60.

ных цивилизаций планеты, между которыми всегда существовали отношения не только притяжения, но и отторжения. Западному человеку трудно понять, что такая страна, как Россия, нуждается не только в развитии рыночной экономики, политической демократии и правовом государстве, но и в разумном сочетании их с традициями российской государственности, способной защитить население от рыночной стихии эпохи перераспределения капитала.

История взаимоотношений слабой РФ с Западом развеяла иллюзии демократической части российского общества относительно того, что единственной причиной затянувшейся вражды Запада к России являлся «железный занавес». С падением этого последнего памятника идеологическому противоборству двух систем выяснилось, что на пути к долгожданной гармонии во взаимоотношениях Запада и России на базе общечеловеческих ценностей стоит множество других преград: совместные интересы англо-саксонского и романо-германского мира по увековечиванию своей гегемонии в мировой экономике; военно-политические интересы НАТО; такие цивилизационные особенности Запада, как стремление к подчинению и поглощению (в данное время — восточноевропейской периферии); двойной стандарт в отношении оппонентов; стремление воспользоваться нынешней слабостью России; боязнь США усиления самостоятельности Европы по отношению к Вашингтону в случае интеграции России в «европейский дом»; несовпадение региональных интересов Европы и глобальных интересов США со специфическими геополитическими интересами России на двух континентах; стремление Запада превратить Россию в свою пограничную заставу перед «мировым Югом»...

Комплекс проблем, объективно-исторически разделяющих Россию и Запад, продолжает тормозить установление между ними отношений искреннего сотрудничества и взаимопонимания. Ставить по-настоящему вопрос о своей европейской принадлежности может только сильная Россия — чтобы Запад считал это честью для себя, а не капитуляцией признающего свою несостоятельность исторического оппонента. Поэтому Россия, которая практически всю свою историю училась у Запада, должна продолжать идти своим путем как держава не только европейская, но и евразийская.